

29 февраля

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

«Американскій Православный Вѣстникъ» издается на двухъ языкахъ: Русскомъ и Английскомъ.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ: 1-го и 15-го ст. ст

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

На годъ	3 дол. [6 рублей]
На полъ года	1 дол. 50 цент. [3 рубля]
На 4 мѣсяца	1 дол. [2 р.]
Отдѣльные номера	по 15 центовъ.

The „MESSENGER” will be bi-lingual — Russian and English. — It will be issued on the 13-th and 27-th of each month.

TERMS OF SUBSCRIPTION:

One year	\$3.00
Six months	\$1.50
Four months	\$1.00
Single numbers	15¢

Entered at the Post Office in New York as Second Class Mail Matter.

ГОДЪ IV. — N3 -й. — NEW YORK, 323 SECOND AVENUE — 1-13 Февраля 1900

Недѣля Мытаря и Фарисея.

Не помолимся фарисейски братіе: ибо возносяй себе смирится. Смиримъ себе предъ Богомъ, мытарски пощеніемъ зовуще: очисти ны Боже, грѣшныя.

Покаянія отверзи ми двери Жизнодавче, утренюеть бо духъ мой ко храму святому Твоему, храмъ носяй тѣлесный весь оскверненъ: но яко щедръ очисти, благоутробною Твоею милостію.

На спасенія стези настави мя Богородице, студными бо окаляхъ душу грѣхми, и въ лѣности все житіе мое иждихъ: но Твоими молитвами избави мя отъ всякія нечистоты.

Множества содѣянныхъ мною лютыхъ, помышляя окаянный, трепещу страшнаго дне суднаго: но надѣйся на милость благоутробія Твоего, яко Давидъ вопію Ти: помилуй мя Боже, по велицѣй Твоей милости.

О преобразованіи Календаря.*(«Странникъ». XI—XII 1899).*

I.

Неудобства юліанскаго лѣточисленія.

Въ послѣдніе годы и въ свѣтскихъ и въ церковныхъ журналахъ часто появляются статьи, касающіяся вопроса объ измѣненіи употребляемаго въ Россіи календаря.

Вслѣдствіе значительной неточности нашего лѣточисленія, мы, какъ извѣстно, отстаемъ отъ болѣе точнаго западно-европейскаго лѣточисленія на 12 дней, а съ 29 февраля 1900 года будемъ отставать на 13 дней.

Нѣтъ сомнѣнія, что пользованіе юліанскимъ календаремъ причиняетъ нѣкоторыя неудобства въ разныхъ отношеніяхъ. Правда, эти неудобства не очень велики, — но если можно ихъ избѣжать, то почему же этого не сдѣлать?

Большая часть неудобствъ отъ употребленія у насъ неправильнаго лѣтосчисленія происходитъ не отъ того, что оно неправильно, а отъ того, что оно иное, чѣмъ принятое въ Западной Европѣ и въ нѣкоторыхъ нашихъ окраинахъ (въ Царствѣ Польскомъ, въ Финляндіи).

Одновременное употребленіе у насъ одного, а въ Западной Европѣ другого счисленія времени, можетъ причинять нѣкоторыя затрудненія при взаимныхъ сношеніяхъ. Возможны ошибки въ назначеніи сроковъ, что можетъ служить причиной весьма досадныхъ недоразумѣній, а иногда и убытковъ въ торговыхъ дѣлахъ. Такъ какъ въ послѣднее время наши сношенія съ Западной Европой быстро развиваются, то эти затрудненія становятся все болѣе и болѣе замѣтными.

Другое болѣе значительное неудобство двойственнаго лѣтосчисленія испытывается въ тѣхъ областяхъ, гдѣ живутъ люди, придерживающіеся различныхъ календарей. Тамъ важнѣйшіе христіанскіе праздники считаются дважды; приверженцы того и другого календаря празднуютъ различные дни, вслѣдствіе чего происходитъ одно изъ двухъ нежелательныхъ явленій: или дѣ-

ON THE AMENDMENT OF THE CALENDAR.*(From „The Pilgrim”, November & December 1899).***THE INCONVENIENCES OF THE JULIAN RECKONING.**

Of late years the Russian periodical press, both secular and ecclesiastical, has frequently brought articles bearing on the necessity of a change in the calendar used in Russia.

In consequence of the glaring incorrectness of our reckoning, we are, as everybody knows, 12 days behind the more correct European reckoning, and from the 29th of February 1900 we shall fall back one more day—13 in all.

There is no doubt that the persistent use of the Julian calendar causes some discomfort in various ways. True, the discomfort is not very great—but if it can be avoided, why not do so?

The greater part of the inconvenience caused by our reckoning comes not so much from its being [incorrect, as from its being different from that followed in Western Europe and some of our own borderlands (Poland, Finland). The fact that we count time in one way while Europe counts it in another must cause some embarrassment in our mutual relation. Mistakes are apt to occur in fixing terms, and this can lead to unpleasant misunderstandings, and sometimes to commercial losses. As our relations with Europe have been rapidly increasing these last years, the unpleasantness grows more and more marked.

Another and more important inconvenience of a twofold reckoning makes itself felt in provinces, where the inhabitants are divided between two calendars. The principal Christian festivals are counted double: the followers of each calendar celebrate them on different days, which brings about one of two equally undesirable results: either there is a double stoppage in

ла и работы испытываютъ двойныя остановки, или приносятся въ жертву и оскорбляются религиозные обычаи тѣхъ лицъ, которые не могутъ соблюдать сроковъ своего календаря.

Третьимъ неудобствомъ, существующимъ только для русскихъ, является то обстоятельство, что всѣ метеорологическія данныя, даже въ Россіи, ведутся и публикуются по западному календарю. При пользованіи этими данными русскіе сельскіе хозяева могутъ впадать въ разныя, иногда небезвредныя ошибки.

Самое главное неудобство употребляемого у насъ лѣтосчисленія, — неудобство, происходящее отъ его неточности, — представляетъ потеря извѣстными числами года и приходящимися на нихъ праздниками ихъ прежняго сельско-хозяйственнаго значенія.

Въ разныхъ мѣстахъ Россіи русскій народъ издавна привыкъ начинать тѣ или другія сельскія работы съ извѣстныхъ праздниковъ. Напр., въ Сѣверныхъ губерніяхъ сѣнокосъ начинался съ Иванова дня, рожь начинали сѣять послѣ Преображенія. При юліанскомъ лѣтосчисленіи приходится постепенно мѣнять привычныя порядки, такъ какъ указанные дни въ каждые 128 лѣтъ приближаются на одни сутки къ осеннему равноденствію. Уже теперь многіе земледѣльцы, въ видахъ обезпеченія урожая, начинаютъ сѣять рожь до Преображенія.

Перечисленныя здѣсь и другія неудобства нашего лѣтосчисленія служатъ причиною все болѣе частаго появленія въ печати статей, касающихся преобразованія календаря.

Почти всѣ согласны, что календарь исправить слѣдуетъ, но расходятся насчетъ способовъ этого исправленія. Одни предлагаютъ немедленно принять западный календарь: другіе рѣшительно высказываются противъ западнаго лѣтосчисленія и предлагаютъ, во 1-хъ, не торопиться съ вопросомъ о преобразованіи календаря, а, во 2-хъ, если измѣнять свое лѣтосчисленіе, то замѣнить его болѣе точнымъ, чѣмъ западное.

(Продолженіе слѣд).

business and work, or the religious customs of people who cannot observe their own calendar are sacrificed and their feelings hurt.

A third inconvenience, under which the Russians alone suffer, is that all the meteorological observations, even in Russia, are published according to the Western calendar. In using such information, Russian farmers can easily fall into mistakes which may prove far from harmless.

But the greatest trouble which comes from our faulty reckoning is the loss by certain prominent dates of the year and the festivals which fall on those dates of their former agricultural signification.

In various localities of Russia the people have of old been accustomed to begin this or that farm-work from certain feast days. So in the northern provinces they began to cut the grass from St. John's day, to sow the rye after Transfiguration. Under the Julian reckoning these habits have to be gradually changed, because every 128 years these days come one day nearer to the autumnal equinox. Now already many farmers to make sure of a crop, are beginning to sow their eye before Transfiguration.

It is because of these inconveniences and others not mentioned here that articles on the necessity of amending the calendar have been appearing more and more frequently in the press.

Nearly everybody is agreed that the calendar ought to be amended, but how to do it is what people differ about. Some would have the Western calendar adopted at once; others positively won't hear of the Western reckoning at all, and propose, in the 1-st place, not to be in a hurry with the amendment, and, in the 2-d place, if our reckoning is to be altered at all, to substitute for it one even more correct than that of the West.

(To be continued).

ПУТЕШЕСТВІЕ

Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго
Тихона, Епископа Алеутскаго и Аляскинскаго.

Раннимъ утромъ во вторникъ 21-го истекшаго Декабря, причтъ русской и арабской церкви въ Нью-Йоркѣ выѣхалъ во срѣтеніе Его Преосвященства. Конечнымъ пунктомъ Пенсильванской желѣзной дороги, по которой слѣдовалъ изъ Аллегени Владыка, является вокзалъ въ Джерзи Сити, штата Нью-Джерзи, по западную сторону рѣки Гудсонъ, отдѣляющей этотъ штатъ отъ Нью-Йорка. Отсюда сообщеніе съ городомъ Нью-Йоркомъ для пассажировъ прибывающихъ по Пенсильванской, какъ и по всѣмъ другимъ, кромѣ Центральной, желѣзнымъ дорогамъ, равно и для всѣхъ имѣющихъ надобность переправиться изъ одного штата въ другой установлено на небольшихъ, но весьма удобныхъ и иногда очень роскошно обставленныхъ пароводикахъ.

Еще были темно, когда мы на другой сторонѣ берега ожидали прибытія поѣзда съ дорогимъ Гостемъ. Поѣздъ однако опоздалъ, и мы только часомъ позже, чѣмъ слѣдовало по росписанію, увидѣли Преосвященнаго Владыку выходящимъ изъ вагона, въ сопровожденіи его спутника, Н. Гривскаго. Обмѣнявшись привѣтствіями, сѣли на пароходъ. Ночной мракъ уже побѣждала лучи утренняго солнца. Внутрительно обрисовывались на противоположномъ берегу грандіозныя контуры Нью-Йоркскихъ построекъ, одна выше другой. Кажется, нѣтъ предѣла въ этомъ ихъ стремленіи возносить свои главы все выше и выше надъ землею. Двѣ башенки узкаго тридцатичетырехъэтажнаго зданія рѣзко очертились въ воздухъ: не вѣрится; что это—мощное грандіозное зданіе, а не трость, которую всякимъ вѣтромъ можно поколебать! Каждый клочекъ свободнаго

зданія берется здѣсь съ бою, каждый футъ земли продается буквально на вѣсь золота: въ этой части города—бассейнъ нервовъ биржеваго, промышленнаго, торговаго міра...

Еще недавно въ судебной печати былъ опубликованъ процессъ одного собственника владѣльца земли въ этой части города, предъявившаго искъ въ 300 тысячъ долларовъ противъ своего сосѣда за то, что тотъ, построивъ рядомъ съ его участкомъ высокое, десятка въ два этажей, зданіе, въ послѣднемъ этажѣ вывелъ карнизъ, вдающійся нѣсколькими дюймами въ пространство, находящееся надъ участкомъ истца... Процессъ на первый взглядъ курьезенъ, но мотивировка его не лишена дальновидности: еслибы лѣтъ черезъ двадцать истецъ вздумалъ перецеголять сосѣда высотой постройки на своемъ участкѣ, тогда уже по праву давности его протестъ противъ захвата его собственности не имѣлъ бы силы и онъ встрѣтился бы съ архитектурными затрудненіями.. Этотъ фактъ достаточно убѣдительно свидѣтельствуетъ о дороговизнѣ земли въ нижней части острова, на которомъ воздвигнута торговопрмышленная столица Новаго Свѣта. Хорошо еще, что отсутствіе землетрясеній здѣсь и грунтовой составъ острова (сплошной почти камень) благопріятствуетъ возведенію высокихъ построекъ: иначе пришлось бы соизидать висячій въ воздухѣ городъ...

Невольно приковывается къ массивнымъ громадамъ Нью-Йорка глазъ и не въ первый разъ прибывающаго къ городу челоуѣка. И всегда у русскаго православнаго пришельца, по какой-то невольной параллели, въ воспоминаніи, воспроизводится впечатлѣніе, какое испытывалъ онъ у себя на родинѣ подѣвзжая къ городамъ и селеніямъ: тамъ всегда побѣждающей линіей являются очертанія храмовъ, ихъ золоченныхъ, раскрашенныхъ

куполовъ и крестовъ... Тамъ душа отдыхаетъ въ созерцаніи этихъ источниковъ и проводниковъ всяческаго утѣшенія, — а здѣсь, эти громады зданій съ кипающимъ въ нихъ суетливымъ челоуѣчествомъ вселяютъ въ челоуѣка жуткое чувство одиночества и полнѣйшей безпомощности...

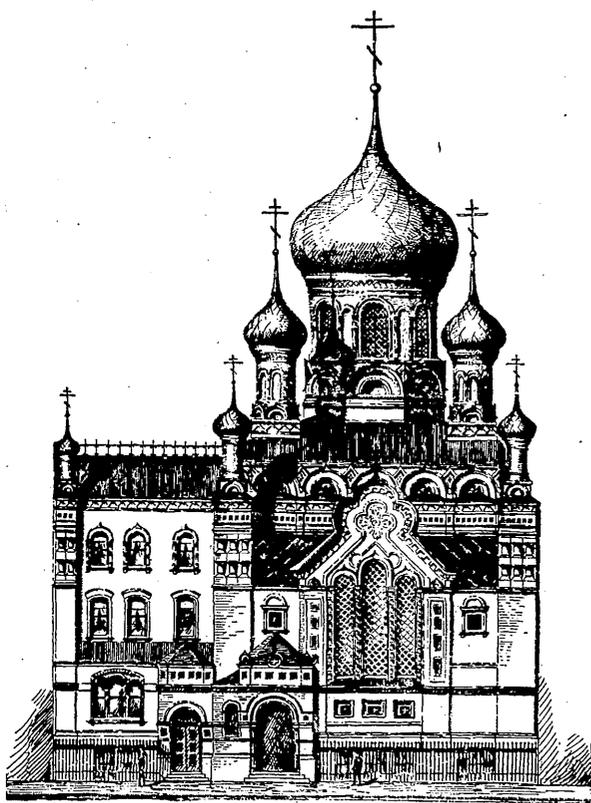
Именно безпомощнымъ чувствуешь себя въ борьбѣ съ этой массой капитала. Намъ пришлось на себѣ испытать это ощущение: сколько поисковъ, трудностей и разочарованій пришлось пережить, прежде чѣмъ удалось въ этомъ царствѣ дороговизны подыскать небольшое мѣстечко подъ православный русскій храмъ, прежде чѣмъ удалось закрѣпить его за собой, уплотивъ однако пока еще только половину стоймости его и возложивъ въ причемъ упованіе на волю Божию...

Ради этого дѣла ѣхалъ теперь Преосвященный Владыка къ намъ, дабы въ личности присутствіи его и по его указаніямъ можно было выработать планы предполагаемыхъ построекъ, рассмотреть смѣты и, посколькo возможно, предусмотрѣть средства погашенія предстоящихъ расходовъ... Въ этомъ городѣ баснословной дороговизны такая задача не могла оказаться легкой: наша совершенная денежная скудость, съ одной стороны, а съ другой — развитіе здѣсь церковно-приходскаго дѣла и то немалое значеніе, какое имѣеть быть присвоено здѣсь въ средѣ инославныхъ молитвенныхъ домовъ православному русскому храму, — весьма осложняли успѣшное рѣшеніе ея. Глубокое упованіе на милостивую поддержку отъ Св. Синода и на самый благопріятный результатъ Высочайше разрѣшеннаго по всей Россійской Имперіи сбора пожертвованій на эту постройку не давали Комитету еще права проявлять какую бы то ни было щедрость и широту въ составленіи смѣтъ, и вся орнаментация зданія, все не существенно — необходимое, хотя бы и весьма красивое,

было принесено въ жертву соображеніямъ практичности, удобству и возможной дешевизны. Трудно было привыкнуть къ мысли, что новый храмъ нашъ будетъ съ обѣихъ сторонъ сдавленъ высокими сосѣдними зданіями, но искать углаго участка при нашихъ средствахъ — значило бы вовсе отказаться отъ надежды видѣть въ Нью-Йоркѣ когда либо русскую церковь, — и мы примирились съ необходимостью... И въ этомъ невыгодномъ положеніи, однако, оставалось для комитета однимъ изъ существенныхъ требованій при осужденіи смѣты и плановъ то условіе, чтобы новый храмъ являлся здѣсь если и не совершеннымъ, то, по крайней мѣрѣ, прилично-достойнымъ выразителемъ величія православной вѣры и славы отечества, чтобы онъ хоть отчасти въ архитектурномъ отношеніи удовлетворялъ принятому у насъ въ Россіи при подобныхъ постройкахъ стилю, — чтобы онъ, безъ поясненій, съ перваго же взгляда давалъ каждому посѣтителю впечатлѣніе православнаго русскаго храма, какъ внутри, такъ и снаружи. Вѣдь строится этотъ домъ Божій не на одинъ годъ!..

Неоднократныя поѣздки на мѣсто, предназначенное подъ церковь, тщательное обсужденіе его удобствъ и слабыхъ сторонъ, многократныя засѣданія Строительнаго Комитета подъ личнымъ предсѣдательствомъ Его Преосвященства предшествовали окончательному избранію того рисунка предполагаемаго храма, какой изображенъ ниже, и много времени, труда и хлопотъ взяли у Владыки втеченіи пребыванія Архипастыря здѣсь. Выбранный планъ оказался наиболѣе подходящимъ, какъ по наружному виду, такъ и по внутреннему распредѣленію помѣщеній, предназначенныхъ, кромѣ церковной молитвы, еще и для другихъ отправленій мѣстной церковно-приходской жизни: для школы, братскихъ собраний, типографіи

и редакціи. Истребовавъ отъ архитектора, въ дополненіе къ его общимъ чертежамъ, и цифры стоимости матеріаловъ постройки, Владыка представилъ все это вмѣстѣ со своими ссображеніями и съ подробнымъ описаніемъ нуждъ Нью-Йоркскаго прихода въ Св. Синодѣ, при ходатай-

ствѣ о выдачѣ возможно большей субсидіи на постройку здѣсь русскаго храма. Относительно предстоящаго сбора пожертвованій на это святое дѣло, Владыка преподаль Комитету инструкціи, поручивъ предсѣдателю онаго, священнику А. Хотовицкому, составить приличное предмету воззваніе и уполномочивъ его, во время отпуска въ Россію, лично заняться этимъ сборомъ, для чего начальный срокъ отпуска былъ приближенъ къ первой недѣлѣ Великаго поста, дабы можно было захватить въ Россіи послѣднія его седмицы какъ наиболѣе, благоприятное время для

всякаго благочестиваго дѣла.

Большимъ торжествомъ нашей миссіи здѣсь будетъ моментъ, когда милостію Божіей и лептою доброхотовъ осуществится, наконецъ, завѣтная мечта наша, издавна лелѣянная прежнимъ Архипастыремъ Алетскимъ, Преосвященнѣйшимъ Николаемъ, нынѣ Епископомъ Таврическимъ, много инициативы положившимъ въ дѣло созданія и организованія здѣсь православнаго прихода, — и столько отеческой заботы и попечительной любви воспріявшая отъ нашего нынѣшняго благостнаго Архипастыря, Владыки Тихона, — когда благолѣпное Архіерейское служеніе огласитъ своды новаго храма въ Нью-Йоркѣ, радуя богомольцевъ и привлекая новыхъ чадъ въ ограду Господню...

Пріѣздъ Владыки въ Нью-Йоркъ и пребываніе его здѣсь во дни Рождественскихъ святокъ внесли много оживленія и духовной радости въ нашу мѣстную церковно-приходскую жизнь. За пять лѣтъ существованія здѣсь нашей маленькой церкви, она въ первый разъ еще видѣла въ своихъ стѣнахъ въ день Рождества Христова архіерейскую службу. Надо ли упоминать о томъ, что всегда пылкое въ дни такихъ праздниковъ религиозное настроеніе нашей православной колоніи еще болѣе стало приподнятымъ и не только Нью-Йоркскіе прихожане, но и люди не изъ близкихъ окрестностей старались быть участниками церковныхъ моленій.

Первое Архіерейское богослуженіе назначено было въ навечеріе Рождества Христова. Торжественно встрѣченъ былъ Владыка при входѣ въ церковь, переполненную народомъ и освѣщенную сотнями огней. пѣніемъ праздничнаго тропаря. Началось повечеріе: умиленное чувство богомольца питалось чуднымъ содержаніемъ псалмовъ Давидовыхъ; вотъ пропѣли тропарь; вотъ раздалось „Дѣва днесъ” зна-

меннаго распѣва. На душѣ праздникъ... Царскія двери отверзлись и, осѣнивъ народъ Архипастырскимъ благословеніемъ, Владыка вышелъ на литію. Возносятся къ небу сугубыя моленія о всѣхъ далекихъ и близкихъ, живыхъ и умершихъ, объ умноженіи хлѣбовъ въ державѣ Россійской, объ избавленіи всего міра отъ глада, губительства, труса, потопа, огня и меча... Прочтено шестопсалміе. Предъ иконою праздника воспѣто величаніе Жизнодавцу Христу, насъ ради воплотившемуся отъ безневѣстныхъ и пречистыя Дѣвы Маріи... Благоговѣнно прикладывается народъ къ св. образу, принимая отъ руки Архипастыря помазаніе освященнымъ елеемъ и св. хлѣбъ. Вотъ, наконецъ и великое славословіе, умиляющее всѣхъ предстоящихъ! Владыка дикиріемъ и трикиріемъ осѣнилъ богомольцевъ. Ангельская пѣснь „Слава въ вышнихъ Богу” проникаетъ въ глубину сердца. Вотъ и конецъ длинной вечерней молитвы, но тѣло не знаетъ усталости: бодрая душа держитъ бодрымъ и тѣло. Перерождается чело-вѣкъ въ такія минуты: забыта житейская суета, забыты раздоры житейскіе, душа полна священнымъ восторгомъ...

Предъ выходомъ Владыки изъ церкви, о. настоятель отъ лица предстоящихъ поблагодарилъ Архипастыря за его любовь къ нашей церкви, за тѣ добрыя чувства, какія привели его изъ каедральнока града къ намъ въ эти святые дни и позволили намъ быть свидѣтелями Архіерейской торжественной службы въ великій праздникъ Рождества Христова. Только что окончилось трудное путешествіе Владыки по Аляскѣ и ближайшей весной предстоитъ ему еще труднѣйшее путешествіе въ отдаленнѣйшій край ея. Владыка препобѣдилъ эти тяготы и посѣтилъ насъ: да по слу-жить же это посѣщеніе осязательнымъ предвѣстникомъ близкаго осуществленія нашихъ постоянныхъ мечтаній о томъ,

чтобы поскорѣе имѣть свой болѣе просторный и благолѣпный храмъ!.. Владыка въ теплыхъ словахъ поблагодарилъ на привѣтъ. Перенесясь мысленнымъ взоромъ въ далекія, воспоминаемая въ пѣснопѣніяхъ дня, событія и времена, онъ привелъ на память благочестивому вниманію слушателей бѣдность и убожество той пещеры, въ которой благоволилъ родиться Господь, и которая стала вмѣстилищемъ Невмѣсти-маго. Наша маленькая церковь убога и скудна своею вмѣстимостью, но Господь своимъ пренебеснымъ благословеніемъ поможетъ ей разростись въ величественный и благолѣпный храмъ. Надо только, чтобы мы, подражая примѣру волхвовъ, принесли дары родившемуся Спасителю, и сами несли на алтарь Божій наши лучшіе дары, по мѣрѣ своихъ силъ; надо, чтобы со всею отверзтостью сердца и духа мы воспринимали завѣты ангельской пѣсни; взаимный миръ, единеніе, благоволеніе, искреннее желаніе вознести Господу жертву хвалы вмѣстѣ съ посильной вещественной жертвой— много помогутъ намъ въ достиженіи нашей святой цѣли. Господь да призритъ на воздыханія наши и да сподобитъ насъ въ скорѣйшемъ времени слышать эту ангельскую пѣснь въ новомъ храмѣ!..

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Древняя религія Тлинхита.

Характеръ древней религіи Аляскинскихъ индіанъ.

Древніе боги Тлинхита.

Таковъ былъ первый приходъ Эля на землю въ видѣ чело-вѣка. Потомъ онъ приходилъ еще много разъ, такъ-же воплощаясь. Другой разъ онъ воплотился при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ глуши чаговыхъ лѣсовъ жилъ одинъ знаменитый тайонъ или начальникъ, который занимался искусствомъ строенія ботовъ. Такихъ ботовъ въ то время никто не могъ дѣлать, во первыхъ, потому, что дерево чага росло въ то время только во владѣнїяхъ этого человѣка, а во вторыхъ потому, что никто не умѣлъ. Этотъ человѣкъ жилъ уединенно, вдали отъ всякаго человѣческаго жилья. Онъ имѣлъ жену, которую любилъ и ревновалъ. Она имѣла при себѣ восемь очень красивенькихъ птичекъ, на подобіе колибри, золотистаго цвѣта, почему они и назывались кунъ. Эти птички постоянно находились съ ней, разсаживаясь по четыре на каждую сторону груди. Отлетали онѣ только тогда отъ нея, когда она, въ отсутствіи своего мужа, окажетъ кому либо свою благосклонность. Мужъ же ея, будучи очень ревнивымъ и въ предупрежденіе такихъ случаевъ, отлучаясь на работу, запиралъ ее въ ящикъ.

У него также была сестра по имени Кит-кух-ин-си, т. е. дочь водяной касатки. Она имѣла отъ кого-то восемь сыновей. Но ревнивый и подозрительный дядя всѣхъ ихъ умертвилъ. Однихъ онъ вывозилъ въ море на боту, сбрасывалъ съ бота и топилъ; другихъ заколачивалъ въ выдолбленныя колоды, которыя онъ выжигалъ для ботовъ. Такъ онъ извелъ поочередно всѣхъ восьмерыхъ. Мать сильно горевала и плакала о потерѣ дѣтей. Наконецъ, она рѣшила убѣжать отъ своего жестокаго брата. Избравъ уединенное мѣсто и поселившись тамъ, она избрала себѣ въ мужья тлякъ или цаплю. Эта цапля, разъ, отыскавъ на днѣ моря близъ берега, гдѣ она охотилась за рыбой, черной камешекъ, принесла домой показать Кит-кухин ей. Эта взяла да и проглотила этотъ черный камешекъ, отчего вскорѣ забеременѣла *).

*) По другому варианту это случилось такъ. «Разъ Кит-кух-ин-си сидѣла на берегу моря и видѣть, что близъ самыхъ береговъ проходитъ большое стадо касатокъ. Одна изъ касатокъ вступила въ разговоръ съ безутѣшною матерью. Узнавъ причину горя—что она

Когда родился сынъ, мать обрадовалась и и полагала, что это простой человѣкъ. Но то былъ Эль. Очень рано сталъ онъ выказывать необыкновенныя способности. Лѣтъ семи онъ ходилъ уже на охоту и безъ промаха стрѣлялъ изъ лука, сдѣланнаго матерью. Однажды онъ набилъ столько маленькихъ, какъ мухи птичекъ, что изъ шкурокъ ихъ мать его могла шить себѣ парку. Для храненія настрѣлянной дичи Эль устроилъ себѣ небольшую бараборку, гдѣ и проводилъ большую часть времени какъ истый охотникъ. Разъ онъ сидѣлъ такъ въ своей бараборкѣ и видѣть, прилетѣла и сѣла подлѣ самыхъ дверей бараборы большая птица, называемая куц-гагули, похожая на сороку, съ хвостомъ и съ предлиннымъ, тонкимъ и крѣпкимъ какъ сталь клювомъ. Эль убилъ эту птицу, снялъ съ нея шкуру, какъ это обыкновенно онъ дѣлалъ, высушилъ ее.

Разъ онъ эту шкуру вздумалъ примѣрять и надѣлъ на себя. Лишь только это онъ сдѣлалъ, тотчасъ почувствовалъ способность летать, какъ летаютъ и птицы. Не долго думая, онъ взвился и полетѣлъ, и такъ высоко залетѣлъ, что ткнулся носомъ въ небо, завязилъ его въ облакѣ, повисъ и потомъ едва могъ вытащить. Воротившись въ барабору. Эль скинулъ чудодѣйственную шкуру и повѣсилъ ее особо отъ другихъ. Послѣ вскорѣ ему удалось застрѣлить на морѣ большую утку, съ которой онъ также снялъ шкуру и примѣрять на свою мать. Мать получила способность плавать по морю.

Когда Эль подростъ и сдѣлался большимъ, мать рассказала ему о всѣхъ жестокостяхъ его дяди. Эль пришелъ въ негодованіе и рѣшилъ немедленно проучить его. Онъ отправился къ нему въ барабору, и, не заставъ дяди дома, раскрылъ ящикъ, къ которому онъ запиралъ свою

бездѣтна—посоветовала поискать на днѣ моря камешекъ и проглотить. Кит-кух-ин-си такъ и сдѣлала. Она сама забрела въ воду (а еще по иному варианту—сама касатка дала ей этотъ камень), отыскала нужный камешекъ, проглотила, запивъ морской водой, и забеременѣла.

жену, когда уходилъ изъ дома и птички кунъ отлетѣли отъ нея. Когда дядя возвратился, домой съ работы, онъ засталъ Эля въ своей бараборѣ и увидѣвъ безпорядокъ, сильно разнѣвался. Но Эль отъ этого ни чуть не смутился. Дядя пригласилъ его слѣдовать за собой на лайду, посадилъ въ боть, отвезъ его на то мѣсто, гдѣ онъ долбилъ колоды, заколотилъ Эля въ одну изъ этихъ колодъ, думая этимъ способомъ погубить его, какъ погубилъ его братьевъ. Но для Эля это было ничемъ. Онъ разломалъ колоду и прежде чѣмъ дядя воротился домой въ свою барабору, Эль уже давно сидѣлъ тамъ *).

Послѣ этого дядя сильно призадумался надъ тѣмъ, какъ бы проучить и сгубить ля. И однако ничего не могъ придумать лучшаго какъ навести на землю потопъ. И вотъ, въ слѣпой ненависти къ племяннику, онъ произвелъ такое наводненіе, что вода затопила всю сушу.

Однако и на этотъ разъ дядя ошибся. Когда вода начала покрывать землю и подниматься все выше и выше, Эль поспѣшилъ къ себѣ въ барабору, велѣлъ матери одѣть утиную шкуру, а самъ накинулъ на себя шкуру кук-гагули. Мать превратилась въ утку морскую и стала плавать поверхъ воды. Онъ же взвился къ облакамъ и такъ-же, какъ въ первый разъ, воткнулся носомъ въ небо и провисѣлъ такъ все время, пока не прекратился потопъ и не высохла вся вода, покрывавшая землю и достигавшая до самыхъ облаковъ, такъ что даже обмочила хвостъ и крылья у Эля.

Когда кончился потопъ,—по однимъ сказаніямъ, Эль упалъ и опустился тамъ, гдѣ заходитъ солнце, и не прямо на землю, а въ море, на морскую капусту, съ которой перевезъ его на сушу морской бобръ,—по другимъ—спустившись на землю неподалеку отъ дядинаго жилья, Эль, чтобы отомстить дядѣ, набралъ

*) По другой редакціи—дядя вывезъ Эля въ море и тамъ выбросилъ его изъ бота, желая утопить, но Эль по дну моря, при помощи васатокъ, вышелъ на берегъ и опять появился въ бараборѣ дяди.

себѣ въ свой длинный клювъ чаговыхъ щепокъ и шишекъ и полетѣлъ туда, гдѣ жили люди. По пути онъ разбрасывалъ эти щепки и шишки, и тамъ, гдѣ падали шишки, уродилось чаговое дерево, изъ котораго Эль научилъ людей дѣлать такіе-же боты, какіе до сего времени могъ дѣлать одинъ только дядя Эля. Эль зналъ, что безъ бота человѣку нельзя жить.

И самъ Эль очень любилъ кататься на боту,—разсказываетъ далѣе мисъ. Особенно ему хотѣлось побывать у Канука. Канукъ жилъ на голомъ, безлѣсномъ островѣ Текинумъ. На этомъ только островѣ и была прѣсная вода, годная для питья. Она сохранялась въ каменномъ колодцѣ. Слѣды этого колодца нѣкоторые изъ индіанъ показываютъ на одномъ изъ острововъ лежащихъ у самой южной оконечности острова Баранова, близъ мыса Оммани или Шаглюту. Здѣсь вода для питья хранилась въ каменномъ четырехугольномъ ящикѣ, который закрывался тяжелой крышкой. Стерегъ безсмѣнно этотъ колодецъ самъ Канукъ.

Вотъ къ этому острову и направилъ свой путь Эль.

Выше было разсказано, какъ встрѣтились Канукъ съ Элемъ и какая произошла между ними бесѣда. Далѣе разсказывается, что Канукъ во время разговора, желая вѣроятно показать свою силу и преимущество предъ Элемъ, снялъ съ себя шапку и положилъ позади себя. Послѣдствіемъ этого было то, что поверхность моря вдругъ окуталъ такой густой туманъ, что съ кормы бота нельзя было различить очертанія носа его. Канукъ въ это время нарочно отъѣхалъ и оставилъ Эля одного. Эль, ничего не видя, долго блуждалъ по морю и наконецъ началъ кликать Канука:

«Акхани,, Акхани!»..

Но Канукъ молчалъ. Эль, ворочаясь туда и сюда, не зналъ куда плыть.

Долгое время кликалъ онъ своего спутника, но не получалъ отвѣта. Наконецъ началъ слез-

но умолять его и кликать къ себѣ.

Тогда Канукъ, приблизясь къ нему, сказалъ:

— «Ну, что ты, и о чемъ плачешь!» — и съ этими словами надѣлъ на себя шляпу, и туманъ тотчасъ исчезъ.

Тогда Эль сказалъ Кануку:

— «Ну, акхани, ты сильнѣ меня».

Послѣ этого Канукъ пригласилъ Эля къ себѣ въ гости на вышеназванный островъ Текинумъ. Между прочимъ угощеніемъ, Канукъ подчивалъ своего гостя прѣсною водою. Элю вода чрезвычайно понравилась и онъ пилъ ее съ ненасытимою жаждою, думалъ было и попросить, но постыдился.

Послѣ обѣда Эль началъ рассказывать о своемъ происхожденіи и рассказалъ всю исторію (происхожденія) міра. Канукъ слушалъ, слушалъ и наконецъ началъ дремать. Эль, съ намѣреніемъ усыпить хозяина своими рассказами, все продолжаетъ и по временамъ приговариваетъ: «послушай, акхани, еще не все!» Но Канукъ, сколь низанимателенъ былъ рассказъ Эля, не могъ одолѣть своей дремоты и наконецъ заснулъ крѣпкимъ сномъ, но не иначе, какъ на своемъ мѣстѣ, т. е. на крышѣ колодца. Въ то время Эль взялъ собачьяго помета и тихонько подложилъ къ Кануку, и сдѣлавши эту хитрость, отошелъ отъ Канука и началъ кликать:

— Акхани, вставай! Смотри-ка что ты сдѣлалъ?

Канукъ, какъ ни крѣпко спалъ, пробудился при такомъ извѣстїи и вдругъ поворотившись, замарался, схватился рукою и тотчасъ побѣжалъ къ морю мыться. Въ это время Эль послѣшилъ поднять крышу колодца, и пилъ воды столько, сколько могъ, а напившись и набравши ее въ ротъ, тотчасъ обернулся ворономъ и полетѣлъ въ трубу бараборы.

На Канукъ закричалъ: «держите его!»...

И Эль задержанъ былъ въ самомъ отверстїи, — кѣмъ — неизвѣстно...

Тогда Канукъ разложилъ огонь и коптилъ

своего гостя, сколько ему было угодно. Отъ того Эль сдѣлался черенъ, а прежде того онъ былъ весьма бѣлъ.

Наконецъ, Канукъ умилосердился, или усталъ, и отпустилъ Эля, а тотъ полетѣлъ въ свою землю и началъ ронять капли воды, которая у него была во рту. Тамъ, куда капали изъ клюва Эля капли прѣсной воды, образовались послѣ озера, рѣки, ключи и другія вмѣстелища прѣсной воды.

Такимъ же образомъ Эль добылъ для людей огонь. Огня также не было на землѣ. Онъ былъ только среди моря, на какомъ-то островѣ. Эль слеталъ туда и выкралъ его какъ когда-то греческій Прометей. Онъ отыскалъ островъ, взялъ съ свой крѣпкій длинный носъ горящую головешку и полетѣлъ на землю со всею скоростью, какою владѣлъ. Тѣмъ не менѣе, это путешествіе ему стоило полъ носа. Головенка дорогой разгорѣлась. Эль съ большимъ трудомъ донесъ ее до берега.. И лишь только достигъ берега, онъ бросилъ ее на землю и посыпавшіяся искры попали въ камни и въ дерево, и отъ того то нынѣ находится въ нихъ огонь и изъ нихъ можно добывать тепло.

Но на первыхъ порахъ люди не могли добывать себѣ тепло и огонь изъ лѣса, потому что Лѣсной владыка не давалъ имъ его. Всякаго же человѣка, который осмѣливался заходить въ лѣсъ и красть дрова, онъ ловилъ и навелъ на него смертельный сонъ.

На помощь людямъ опять явился Эль. Онъ самъ отправился въ лѣсное царство, отыскалъ людей, усыпленныхъ тамъ, и пробудилъ ихъ чудеснымъ образомъ.

Это случилось такъ.

Эль, задумавшись надъ тѣмъ, какъ-бы оживить усыпленныхъ людей, найденныхъ имъ въ лѣсу *), шелъ по морскому берегу и видитъ

*) По другому варианту говорится только о воскрешеніи Элемъ нѣсколькихъ мертвыхъ мальчиковъ безъ указанія причины смерти ихъ.

плавающую чайку, которая весело и самодово-льно кивала лю еще издали главоу.

— «Что ты, другъ и пріятель мой, такъ весела, и что у тебя есть?» — спросилъ Эль.

Она отвѣчаетъ ему:

— «У меня есть сакъ — рыба.»

— «Если это правда, то покажи мнѣ», — говоритъ ей оуь.

Чайка тотчасъ отлетѣла отъ берега въ море, нырнула въ воду, достала названную ею рыбу и показавъ ее Элю съѣла. Эль оставя чайку, идетъ далѣе и увидѣвъ цаплю, говоритъ ей: —

— «Знаешь ли ты, что чайка тебя всячески ругаетъ?»

Цапля, выслушавъ это, пришла въ негодование и тотчасъ полетѣла и напала на невинную чайку. Когда она вонзила свою лапу въ животъ чайки, то та выкинула изъ себя съѣденную рыбку, которую Эль тотчасъ подхватилъ и взялъ себѣ.

Оставя цаплю и чайку сражаться, онъ поспѣшилъ далѣе. Пройдя нѣсколько, онъ увидѣлъ барабору построенную на берегу моря. Войдя въ нее, онъ видитъ древняго старика, которому и говоритъ:

— «Знаешь ли ты, я нашелъ сакъ рыбу. — Тотъ отвѣтилъ ему:

— Какъ это можно, только я одинъ имѣю эту рыбу и могу давать и посылать ее..

Но Эль, чтобы увѣрить старика, показалъ ему свою рыбу и рассказалъ, что онъ видѣлъ и какъ досталъ ее. Старикъ вскипѣлъ гнѣвомъ на ворішку-мартышку и видя, что теперь не имѣло смысла держать въ заперти сакъ-рыбу, подарилъ Элю цѣлый ботъ, наполненный ею. Эль съ благодарностію принялъ и поѣхалъ отъ старика на ботѣ. Какъ только онъ выбрался изъ его владѣній, тотчасъ всю сакъ-рыбу выпустилъ въ море. Люди, завидѣвъ сакъ-рыбу плещущуюся на лайдѣ, бросились ловить ее, чѣмъ попало. А Эль сидитъ на ботѣ и любитъся. Вотъ онъ видитъ одну женщину, которая

тоже пришла ловить сакъ-рыбу, но запоздала, и говоритъ ей:

— Не хочешь-ли рыбы? Если хочешь, бреди ко мнѣ..

Женщина охотно побрела къ нему и когда она зашла въ воду довольно глубоко, такъ что принуждена была поднять свою одежду на плечи, тогда Эль вырвалъ у нея нѣсколько волосковъ изъ подъ мышки и наградивъ ее сакъ-рыбой, — поспѣшилъ къ тому мѣсту, гдѣ лежали въ лѣсу мертвые. Пришедши къ нимъ, онъ началъ волосками щекотать въ поздрахъ мертвецовъ и кого пощекочетъ, тотъ чихнетъ и тотчасъ оживетъ. Такимъ образомъ оживилъ онъ всѣхъ умерщвленныхъ лѣснымъ владыкой *).

Послѣ этого, Эль научилъ людей еще искусству стрѣлять дичь изъ лука и снабдилъ даже самую дичью. Сначала люди не имѣли понятія ни о различныхъ сортахъ рыбъ и земноводныхъ, какъ-то нерпи, котовъ, выдръ, бобровъ, а также о звѣряхъ и пр. Все животное царство находилось во власти одного знатнаго начальника по имени Канах-кат-вая. Канах-кат вай былъ владѣтелемъ большого острова, на который никто кромѣ его не имѣлъ доступа и на которомъ онъ охранялъ свое достоинство. О томъ, какъ Эль добылъ для людей хорошія стрѣлы и какъ онъ выпустилъ изъ подъ запора

*) Этотъ мѣсъ одинаково рассказываетя какъ у индіанъ, такъ и у кенайцевъ, проживающихъ въ окрестностяхъ Кенайскаго залива. Нужно думать, что Кенайцы позаимствовали эту сказку у индіанъ. Такъ думать заставляетъ то обстоятельство, что ни въ Кенайскомъ заливѣ, ни въ другихъ близкихъ къ кенайскимъ жилищамъ мѣстахъ не имѣется сакъ-рыбы. Мѣсъ же прославляетъ Эля не столько за то, что онъ научилъ людей добывать огонь изъ дерева, сколько за сакъ-рыбу, которую индіане считаютъ очень лакомымъ и дорогимъ блюдомъ. Рыбка эта величиной не болѣе четверти аршина, похожая на корюшку, приходитъ къ берегамъ въ одномъ изъ чилькатскихъ заливовъ въ не мѣтномъ количествѣ однажды въ годъ. Она очень жирна и вкусна. Индіане ее сушатъ, коптятъ и солятъ. Одинаково любятъ во всѣхъ видахъ.

звѣрей и животныхъ, — мнѣ рассказываетъ слѣдующее:

Когда ль пустился въ путь, направляясь во владѣнія Кана-кат-вая, онъ сильно задумался надъ тѣмъ, какъ ему половче поступить съ этимъ гордымъ и подозрительнымъ владѣльцемъ, который даже дочери родной ни въ чемъ недоувѣряетъ. Эль подходилъ уже къ границѣ владѣній Катах-кат-вая и ничего еще не надумалъ, какъ вдругъ повстрѣчалъ одного охотника. Познакомились. Охотникъ оказался очень разговорчивымъ человѣкомъ; рассказалъ ему въ подробности, кто онъ, какъ дѣла его идутъ; рассказалъ кое что о Катах-кат-ваѣ и его прекрасной дочери. Эль все только слушалъ и, спрашивая своего новаго знакомаго, самъ о себѣ молчалъ. Ему особенно понравились стрѣлы охотника, которыми онъ хотѣлъ бы овладѣть, но не зналъ какъ. Рѣшилъ по своему обыкновению пуститься на обманъ. Эль началъ хвалить стрѣлы и охотника, а тотъ сталъ еще усерднѣе показывать свою удалъ. На далекое разстояніе прицѣливался онъ въ маленькихъ птичекъ и однимъ выстрѣломъ убивалъ ихъ. Эль хвалилъ охотника, но въ тоже время проговаривался, что онъ своими стрѣлами можетъ попадать дальше. Охотникъ заинтересовался. «А нука, — говорить, — попробуй, я посмотрю»...

Элю только этого и нужно было. Онъ положилъ незамѣтно на кончикъ своей стрѣлы травинку — тлютль, — а это была не травинка, а птица, которую и теперь можно видѣть, какъ она летаетъ то вверхъ, то внизъ, — трясогуской называется. Пущенная стрѣла полетѣла, но готова была упасть не туда, куда нужно, тогда Эль крикнулъ: — «выше поднимай», — и стрѣла ударила въ цѣль.

Охотникъ очень былъ удивленъ ловкостью и дальнострѣльностью Эля. предложилъ ему немедленно помѣняться стрѣлами, на что Эль изъяснилъ полное согласіе.

Какъ только мѣна произошла, пріятели расстались. Эль направился къ жилищу тайона.

Онъ зналъ, что Канах-кат-вай имѣетъ красавицу дочь, за которую уже сватались женихи, но всѣ пока получали отказъ, — потомучто не нравились Канах-кат-ваю. Эль надѣялся угодить старику при помощи своихъ стрѣлъ. Старикъ однако долго неподдавался и только спустя много времени, наконецъ, согласился выдать за него свою дочь. Эль поселился у тайоча, старался быть послушнымъ ему, а самъ все примѣчалъ и запоминалъ. У тайона была волшебная палка съ изображеніемъ лапы восьминога. При помощи этой палки Канахкатвай могъ притянуть какой угодно предметъ и на какомъ угодно разстояніи. Такова была волшебная сила въ палкѣ. До этой палки и добирался Эль. Когда старикъ совершенно довѣрился Элю, этотъ послѣдній потихоньку отъ тайона и отъ всѣхъ домашнихъ началъ испытывать чудодѣйственную силу палки. Дѣло пошло хорошо. Куда не протянетъ Эль палку, наставитъ напимѣръ издали на горнаго барана, сейчасъ тотъ и притянется; протянетъ надъ моремъ, къ киту, который разыграется вдали на просторѣ, и китъ идетъ къ Элю; и такъ безъ конца.

Но ему одно не удавалось: притянуть къ себѣ одинъ островокъ, расположенный среди залива, на которомъ Канах-кат-вай хранилъ свои сокровища и тайны. Въ замкѣ, построенномъ на этомъ островѣ сохранялись самыя рѣдкія породы земледныхъ и животныхъ. Но Канах-кат-вай никого туда не допускалъ, даже Эля.

Долго Эль трудился, какъ бы проникнуть туда, но бесполезно. Не разъ онъ наставлялъ свой волшебный жезль на таинственный островъ: но островъ не двигался къ нему. Только разъ, когда Эль, протянувъ жезль, упомянулъ имя Канах-кат-вая, онъ замѣтилъ, что островъ какъ будто двинулся. Тогда Эль сталъ напѣвать:

Канах-кат-вая — а

Э — э — э — э — э

Кана-кат-ваі а — а

А — а — а — а — а

Островъ началъ двигаться все ближе и ближе. Но лишь только онъ коснулся берега, вдругъ рассыпался. Всѣ животныя, которыя тамъ были, — одни поплыли по морю напр., морскія свинки, нерпы, бобры, и проч., другія — разбѣжались по землѣ, и съ тѣхъ поръ стали водиться всюду.

Послѣ такого поступка Элю пришлось конечно удрать отъ тайона.

Эль очень долго жилъ на землѣ и благодѣтельствовалъ людямъ. Похожденія его безчисленны. Иногда про него рассказываются довольно смѣшныя вещи, напр., о томъ, какъ Эль проникъ въ кита и разложилъ въ немъ костеръ, отъ чего киту стало страшно жарко и онъ вылѣзъ на берегъ гдѣ и остался навсегда на добычу людямъ; или какъ Эль охотился на палтусовъ въ компаніи съ медвѣдемъ и урилой.

Кромѣ чисто матеріальныхъ благъ, которыми онъ награждалъ людей, Эль училъ ихъ и разнымъ добродѣтелямъ. Такъ онъ училъ, что дѣти должны уважать своихъ родителей и старшихъ; люди не должны вести войнъ и проливать крови; не должны красть, обманывать, должны соблюдать посты, нескверниться и пр. Въ настоящее время Эль очень рѣдко появля-

ется между людьми. Теперь Эль живетъ опять тамъ, откуда и приходилъ: на восходѣ солнца, въ землѣ Насъ. Тамъ у него есть воздушные чертоги, въ которые проникнуть очень трудно. Даже еки (духи) и тѣ не могутъ этого сдѣлать. Одинъ теки-екъ попытался было попасть туда, но былъ за дерзость жестоко наказанъ тѣмъ, что вся лѣвая сторона его окаменѣла. Когда онъ летѣлъ въ землю Насъ, то онъ не смотрѣлъ на стороны и поэтому наткнулся одной стороною на чертоги Эля.

Эль по прежнему любить людей, всегда заботится о нихъ и старается помогать имъ. Но онъ не любитъ когда люди смѣются надъ нимъ. Тогда онъ мститъ такимъ людямъ и довольно охидно. Иногда въ припадкѣ гнѣва на людей онъ посылаетъ на нихъ болѣзни и другія несчастія. Но его гнѣвъ легко смягчить.

Всѣ велѣнія Эля приносятся людямъ восточными вѣтрами.

Эль имѣетъ сына, но не извѣстно отъ кого. Сынъ любитъ людей, еще болѣе самого Эля и часто является заступникомъ за нихъ предъ отцемъ. Часто онъ является исполнителемъ воли отца наравнѣ съ другими богами.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Извѣстія и Замѣтки.

Письмо д-ра Де-Коста въ Потеру.

Епископу Епископальной церкви Нью-Йоркской Епархіи

(Окончаніе).

Наканунѣ Троицына дня текущаго года появилось публичное и открытое отверженіе св. Троицы, и въ виду того, что вы, въ другомъ подобномъ случаѣ, не позаботились о разборѣ дѣла, согласно § 2-му 2-го канона, ясно, что было бы бесполезно начинать взысканіе въ этомъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. Исковъ противъ ереси не слѣдуетъ болѣе допускать; ибо если виновные будутъ подлежать суду, то не попадутъ ли иные епископы на скамью подсудимыхъ? Чувство виновности распространено повсюду. Невѣріе носится въ воздухѣ. И я долженъ, по этому поводу, обратить вниманіе на фактъ

NEWS AND NOTES.

NEWS FROM GREECE.

The highest ecclesiastical authorities of the Greek Kingdom are busy at present with the reorganization of the monasteries. According to the latest statistical information, there are now in Greece as many as 170 monasteries, with 1322 monks, 545 novices and 595 lay brethren, their yearly income reaches to 2,368,503 drachms and their yearly expenditure 1,408,813 drachms. In spite of their number and wealth, the Greek monasteries are far from answering the requirements of their high position and the ecclesiastical authorities recognize the necessity of a radical reform,

The Metropolitan of Athens, Procopius, in one of his speeches, delivered at a session of the Greek Synod, indicated the plan of the impending reform. He proposed,

до сихъ поръ мало замѣченный, а именно, что самѣй отвѣщенный скептицизмъ не появляется въ печати, ни даже въ публичныхъ рѣчахъ. Въ частной же жизни не мало духовныхъ и свѣтскихъ лицъ открыто отвергаютъ Библию и Символъ вѣры, ничуть не скрываясь.

Одинъ весьма выдающийся настоятель, стоящій высоко въ рядахъ вашихъ приверженцевъ, говоритъ о Новомъ Заветѣ, какъ о книгѣ залежавшихся документовъ. Другой объявилъ, что первые три главы св. Матвея просто прекрасная легенда; а третій такъ даже тунуть надъ апостольскимъ Символомъ вѣры. И такого рода люди занимаютъ видныя мѣста, остаются на кафедрахъ ради насущнаго хлѣба или какихъ либо дальнѣйшихъ цѣлей! Они пользуются расположеніемъ всей общины; и мѣриломъ положенія дѣла не слѣдуетъ принимать напечатаніе той или другой книжки, выпущенной, можетъ статься, съ намѣреніемъ отвести глаза, или укрѣпить свое положеніе,—или въ видѣ прямого вызова, нападенія на вѣру. Опасная мысль облекается въ неясныя формы, введенныя въ прошедшемъ столѣтіи соцініанской школой Годлея (Hoadley), который впервые тогда ввелъ въ англиканскую церковь систему «недомолвокъ» (reserve), нынѣ практикуемую многими на кафедрахъ и въ кафедрахъ.

И при всемъ томъ, при всей осторожности, вражду не удастся утаить. Сознаніе, что протестантское епископальство насквозь пройдено какъ рѣшето, просвѣчиваетъ сквозь агностическія фразы. Мы всѣ отлично знаемъ, что есть въ вашей епархіи священники, которые вооруженною рукою нападаютъ на вѣру и открыто распространяютъ соцініанскую литературу. Скептикъ у васъ въ безопасности, а революція идетъ себѣ своимъ ходомъ среди почестей и рукоплесканій, хотя нельзя сказать о системѣ заботливо оберегаемой подъ епископскимъ пурпуромъ, что «насмѣшникъ зрѣть такую сторону оной, которая заставляетъ молчать его издѣвающійся голосъ». На самомъ дѣлѣ христіанство поставлено вверхъ дномъ.

Я потому старался уяснить работу высшей критики, что я желаю удержать, на первомъ планѣ, на полномъ виду, истинное состояніе церкви, для того, чтобы никому нельзя было сказать, будто я потому слагаю съ себя санъ епископальнаго пресвитера, что вы—или кто другой—не соглашаетесь съ моимъ пониманіемъ истины. Весьма можетъ быть, что это революціонное движеніе внутри общины было неизбѣжно. Я результатъ признаю, но не принимаю. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ я, заодно съ нѣкоторыми другими лицами, усиленно иду противъ теченія, и закалъ епископаловъ вполне испытанъ втеченіе этой политики.

Епископамъ было частнымъ образомъ указано на возрастающее зло, и пессимистскій отвѣтъ одного изъ нихъ: «Лучше не будетъ никогда, ни въ ваше время ни въ мое», можно признать за выраженіе мнѣнія почти

with a view to elevate the standard of monastic life in Greece, that the small and poor „habitations” should be bunched into groups and annexed to the large and well-organized monasteries, so that the entire number should be not more than fifty. The good of such a measure is self-evident. It will assure an increased income to the cultured monasteries, enabling the monks to live in comfort, so they will not be compelled to make a livelihood by useless wanderings from town to town, but will have their regular appointed task—of cultivating the lands belonging to their respective monasteries.

(From „The Church Gazette”, November 1899).

FROM THE REPORT OF THE CHIEF OF THE
*Pekin Mission, the Archimandrite Innocentius, on
the condition of the Mission for the years 1897—1898*

At the close of the year 1898 the personnel of the Chinese Mission consisted of: 1 Archimandrite (the Chief of the Mission); 2 Hiero-monks—Nicholas Drobiasgin and Tehasovnikof; 1 priest,—Nicholas Shastin; and 1 deacon—Vassili Skrijalin. The Mission had in its jurisdiction 5 churches: one in the name of the Assumption of the Mother of God, within the monastery of the same name, in which the Mission has its residence; another in the name of the Circumcision of Our Lord, attached to the Russian Legation at Peking; a third, in the name of the Prelate of Irkutsk Innocentius, in the Chinese village of Dun-din-an; a fourth, in the name of the pious Prince Alexander Nevsky, in the city of Han-kow, and a fifth, in the name of the Holy Trinity, in the city of Kalgan. The church at Dun-Din-an was renovated and dedicated on the 26-th of November 1898 by the Archimandrite Innocentius. Besides these churches, a meeting-house was founded in 1897, for the performance of commemorative services at the Russian cemetery at Peking, and in October 1898 was begun the construction, at the personal expense of the Chief of the Mission, of a small meeting-house in stone, on the Tsin-shan-tsoo, on the shore of the Bay of Pe-tchi-li, ten versts from the station of Pei-ta-ko on the Shanghai-Hwan railroad, where several Russian families from Peking and Tian-tsin spend the summer for the sake of the sea-bathing.

The totality of parishioners belonging to these Mission churches during the period covered by the report was distributed as follows: Russians temporarily residing in China; church of the Circumcision at Peking,—about 30 of both sexes; at Han-kow—about 50 of both sexes; and at Kalgan about 40 of both sexes;—Albazins, (descendants of Russians), 141 of b. s.; Mantchus at Peking, („banner-men”, i. e. counted as in the military service) 113 of b. s.; Mongols, („banner-men”), 33 of b. s.; Mins („banner-men”) 68 of b. s.; and besides these, Chinese of lower classes—47 of b. s. at Peking; 41 of b. s. at Dun-din-an; 15 of b. s. in different parts of China—altogether besides the Russians, 458 of both sexes.

In the two Mission schools at Peking (for each sex separately), were taught: in 1897—22 boys and 25 girls.

всѣхъ. Я имѣю у себя письма отъ нѣкоторыхъ вашихъ собратовъ, представляющія поучительное чтеніе. Что до меня касается, то въ виду существующаго положенія, мнѣ открытъ лишь одинъ исходъ; а потому, какъ бы ни поступали другія лица, которыхъ лично я уважаю, и какой бы ни имѣли они взглядъ на свои обязанности, мои обязанности для меня ясны.

Никакой поступокъ съ вашей стороны не въ силахъ былбы заставить меня выйти изъ священства; но положеніе на мой взглядъ таково, что съ нимъ не справиться не то что одному человѣку, а никакой ассоціаціи. Епископальная теорія, основанная на личномъ сужденіи, не только осѣнена сомнѣніемъ, имѣющимъ быть характеристикой двадцатаго столѣтія, но одержима духомъ невѣрія. Буря уже настала, но у протестантской епископальной общины нѣтъ якорей. Будущее ясно развертывается передъ нами. Ваши люди спѣшатъ довершить свое логическое развитіе. Мало кто поддастся велерѣчивымъ фразамъ нѣкоего епископа, который, въ своемъ послѣднемъ посланіи, предрекаетъ великія побѣды. И—дозвольте мнѣ выказать это въ самомъ дружелюбномъ духѣ—еще менѣе кто польстится на ваши собственные фразы, когда вы, говоря о «книгѣ», называете оную «несравненно и безцѣнною», въ виду того, что по общему мнѣнію, немало нынѣ духовныхъ лицъ, которыя не возмущаются, если говорить въ тѣхъ же выраженіяхъ о твореніяхъ Гомера и Шекспира.

Конечно, не трудно предвидѣть возраженіе этихъ лицъ, которыя съ негодованіемъ будутъ отиѣиваться отъ того, будто они не признаютъ Библію за слово Божіе; но люди маломальски прозорливые знаютъ цѣну фразамъ, утратившимъ прежнее содержаніе—вѣру, искренность, крѣпость убѣжденія. Вы, конечно, готовы утверждать, что школа эта, нынѣ находящаяся въ силѣ, почитаетъ слово Божіе, и что усилія ея клонятся единственно къ «отдѣленію мякины отъ зерна», истины отъ лжи. Вы даже беретесь поставить Библію на основы «болѣе несокрушимыя чѣмъ прежнія». Безъ сомнѣнія она будетъ поставлена на основѣ столь же несокрушимыя какъ Веды, Шаства и книга Мормона.

Вы заявляете, что «современный фетишизмъ позоритъ Библію навязывая ей свое, якобы Богомъ избранное опекунство, и вотъ уже сколько лѣтъ держитъ ее подъ замкомъ, внутри желѣзныхъ стѣнъ сухой буквы, тѣмъ отнимая у нея и всякій интересъ и всякую власть». Это замѣчательное открытіе. До сихъ поръ на Библію всегда смотрѣли какъ на свободную книгу, какъ на славу и гордость народовъ, и ей приписывали возвышающее вліяніе на общество, передовое движеніе цивилизаціи и современной мысли. Не находили словъ, достойно выражавшихъ освободительное и очистительное дѣйствіе святой книги.

И вотъ, вдругъ вы увѣряете насъ, что все это вре-

in 1898—25 boys and 25 girls. The teachers were: 4 Chinese men,—one of them a catechizer,—and 4 Chinese women. Since November 1868 the Russian language and church-Slavic have been taught by the newly arrived members of the mission, the Hiero-monk Abraham and the deacon Vassili Skrijalin.

Since the 1-st of March 1897, divine service has been going on in the Mission church of the Assumption uninterruptedly every day, almost entirely in the Chinese language, with very passable singing. The choir is composed, as usual, of pupils and graduates of the Mission school, who receive a small remuneration. The services in the worshippers' native language have a very beneficial effect on them and attract many to the church. Formerly, while the services were conducted in the Slavic tongue, our congregation hardly numbered 15 or 20 on great holidays; now our church is full every Sunday, while on great holidays it cannot hold all that come. Once in a while heathens look in. Not many so far, it is true; but it is a satisfaction to see that those who do come are not so much allured by the external pomp of the ritual as desirous of comprehending the meaning of the services.

Of late, the Mission has been introducing, on great feast-days, solemn processions around the outer enclosure of the Mission; this attracts great crowds of curious heathens, and may prove a good auxiliary in propagating our religion among them. It is with this object in view that the Mission strives to display the greatest possible pomp in the funeral of Orthodox Christians: the funeral service is held, with all due honours, at the home of the deceased, in the presence of the heathens, and the body preceded by cross and banners, is escorted by the clergy with choir to the cemetery, through the principal streets of Peking, as is customary among the Chinese, to the uninterrupted chanting of that most moving funeral hymn, „Holy God”. The heathens never fail to follow these processions in crowds.

Another important feature of the Mission's life for the same period was the opening, at the end of 1897, of its own printing office. This satisfies a long-felt need, since books have to be printed not in Chinese alone, but in parallel Russian text. It is thanks to the active sympathy of our former *chargé d'affaires* at Peking, A. J. Pavlof, that our Mission has at last been able to realize this long-standing wish. A Russian merchant of the first guild, residing at Tian-Tsian, A. D. Stertsef, donated a hand printing press; a temporary place for it was found and furnished very economically; two native Orthodox Christians, Tikhon Woo and Cassian Lin,—proved sufficiently skilled in type-setting, and printing; and thus, with the help of God, a beginning has been made by our Mission in printing its own books. Towards the close of the reported period, two books had been issued by our own printing office.—a Russo-Chinese grammar and a description of the city of Peking, translated from the Chinese by the monk Hy-

мя Библия содержалась подъ замкомъ, внутри желѣзныхъ стѣнъ, лишняя интереса и власти. И неужели вы полагаете, что нашъ народъ, столько лѣтъ устроивавшій и содержавшій библейскія общества съ огромною тратой денегъ, настолько мало знаетъ исторію и вліяніе Библии, чтобы спокойно согласиться съ таковымъ положеніемъ? Ваши слова изумительны! Я глубоко скорблю о необходимости нонуждающей меня такъ говорить, а вы между тѣмъ пожинаете обильные лавры среди невѣрующихъ. И однакоже вамъ придется считаться со многими христианами, равно католиками и протестантами, если вы будете продолжать обвинять въ невѣжественномъ, позорномъ фетишизмѣ ученыхъ, святыхъ и просвѣщенныхъ мужей всякаго наименованія, которые отвергаютъ мелочную критику, недостойную называться критикой, и по прежнему почитаютъ «Библию нашихъ предковъ». Едва ли пристало именно вамъ, въ вашемъ положеніи обвинять другихъ въ «фетишизмѣ», и «нетерпимомъ невѣжествѣ».

Какого именно рода пользы можно ждать отъ вашей критики, можно указать словами вашего же пріятеля, епископа Вашингтонскаго, заявляющаго, что, «подъ вліяніемъ высшей критики, тысячи людей утратили свою вѣру въ Ветхій Заветъ въ смыслѣ вдохновеннаго слова Божія», и что «вѣра массъ до того потрясена, что даже дѣти, ученики воскресныхъ школъ, отзываются о св. Писаніи съ непочтительной вольностью, отъ которой минувшее поколѣніе пришло бы въ изумленіе». Эти слова печальнымъ образомъ подтверждаются послѣднимъ годовымъ отчетомъ о воскресныхъ школахъ, изъ котораго видно, что въ то время, какъ ваша партія занимается планами для утвержденія своего вліянія и для приспособленія Библии ко вкусу скептиковъ, не менѣе 1,250 учителей и учительницъ воскресныхъ школъ остались за штатомъ.

Молодежь не болѣе вѣрна воскресной школѣ, чѣмъ и самой церкви. О вліяніи всей новой системы на массы вообще можно судить изъ свидѣтельства Д-ра Паретъ, епископа Мэрилэндскаго. Онъ говоритъ: «Церковь у насъ почти забыла и думать о наступательномъ образѣ дѣйствій. Мало-ли, много-ли было у ея миссіонеровъ энтузіазма, теперь его очень мало». Тоже подтверждаетъ и ваша церковная печать.

Можно, поэтому, смѣло пропустить мимо то, что вы говорите «о плодахъ, которыми высшая ученость надѣлила наше поколѣніе по части поощренія благочестія и точнаго знанія во всемъ христіанскомъ мірѣ». Напротивъ,—эта ученость отгоняетъ народъ отъ вѣры Христовой. И потому не слѣдуетъ забывать, что епископальная община была основана не на этой «высшей критикѣ». Какъ ни логично она водружаетъ личное сужденіе никакая логика не дастъ ей силы уцѣлѣть, основываясь на этой новой системѣ библейскаго толкованія.

acanthus, and it had begun printing a Russo-Chinese conversational dictionary, by the Hiero-monk Isaiah, augmented from P. S. Popof's lexicon.

Among our Mission's charities should be mentioned the opening, in 1898, of a home for destitute widows and orphans—children of Orthodox Christian Chinese fathers. In the beginning of 1899, there were 17 inmates. In the course of the year it is intended to build a separate house for the home, using the savings from the receipts and donations of 1897 and 1898.

The Orthodox community at Peking, notwithstanding the medley of nationalities of which it was originally composed (Russian, Mandchu, Mongol and Chinese proper), has long become fused into one family most closely united the differences of national characteristic being almost wholly obliterated. It is partly supported by the Mission, which employs most of them in the capacity of servants, choristers, teachers or students, and partly by the Chinese Government, for nearly all the native members are „banner-men”—counted as soldiers in the service of the Emperor of China, and receive a salary from him, which is paid every four months, in money and rice, although their military obligations, in reality, are limited to a little target shooting with bows and arrows, and that only occasionally, at long intervals. They are nearly all extremely poor, fitted for no pursuit, and do nothing. Their means of support are insufficient even to keep them in food, because their salary is the same as it was 200 years ago, while provisions continually rise in price. They are therefore driven to pawn or mortgage their property, to get into debt, and to live on without hope of ever bettering themselves; all they get goes for interest, which yet keeps increasing. Because of this helpless condition and of the low standard of their intelligence, they are mostly given to low vices, and it is hardly too much to say that they hold anything permissible that will help them to acquire something without labor. Those among them who are comparatively well off and able to get along without pecuniary assistance from the Mission, look down upon their own destitute brethren, keep aloof from the Mission, and even abandon Orthodoxy altogether. Many of the Albazins (Russian half-breeds), have done so long ago for the sake of material advantages, and are ashamed and unwilling to acknowledge their Russian descent. So it has come to pass that our Mission has long been shrinking down to the narrow bounds of a mere parish, though no one could tell exactly when the downward movement began. Anyhow its work has dwindled to the performance of services and parish ministrations—and this too, until quite lately, from ignorance of the Chinese language, in Church Slavonic, while all intercourse with the parish and the heathens is carried on through Chinese servants or familiars who have learned to understand with ease our broken Chinese. These people look on the Mission and on ourselves merely as a source of income and get out of us all they can. They

А затѣмъ не дурно было бы припомнить, что христианство никогда не помышляло о томъ, чтобы допускать сопоставленіе съ собою другихъ религій, и что система, которою вы восторгаетесь, можетъ лишь низвести епископальство на такую ступень, гдѣ отъ христианства уже ровно ничего не останется. Что же до вашей собственной епархіи, центральнѣйшей и важнѣйшей изъ всѣхъ, то, когда узнается въ какомъ состояніи она дѣйствительно находится, окажется, что она быстро близится къ состоянию безкровнаго сердца. Сильнѣйшая изъ вашихъ корпорацій слабѣетъ духомъ. Судя по тому, куда все клонится, дальновидные друзья церкви поговариваютъ, что, если кафедральный соборъ и будетъ когда нибудь достроенъ, онъ окажется саркофагомъ епископальства, гробницей его вѣрованій. Нужно отъ души надѣяться, что движеніе, съ которымъ вы связали свое имя, еще будетъ чѣмъ нибудь остановлено!

Не нужно говорить, что я все это пишу съ глубокимъ прискорбіемъ. Я здѣсь говорю—поймите это!—не противъ епископальной церкви, а противъ ея управленія. Я всегда признавалъ англиканскую церковь за самое мастерское твореніе въ сонмѣ современныхъ исповѣданій. Я могу подписаться подъ словами Ньюмена, когда онъ говоритъ: «Я признаю въ англиканской церкви освященное временемъ учрежденіе, связанное со множествомъ славныхъ историческихъ воспоминаній, орудіе политически сильное, памятникъ древней мудрости, великій національный органъ, источникъ обширныхъ народныхъ выгодъ, и, до извѣстной степени, за свидѣтельница и учительница истинъ вѣры».

Сверхъ того, я бы желалъ, чтобы эта церковь сохранила, сколько въ ней есть, истины и честности, ибо какому же благомыслящему человѣку пріятно видѣть религиозный упадокъ?

Мнѣ было бы отраднo видѣть ее доказывающею существенное превосходство свое надъ другими окружающими насъ современными системами, и я гляжу не иначе какъ съ глубокой грустью на тотъ путь, на который американская вѣтвь англиканской общины нынѣ окончательно вступила. Иные не только скорбятъ; одинъ изъ наиболѣе выдающихся епископовъ, мужъ мудрый и дальновзоркій, признается мнѣ въ одномъ письмѣ, что онъ «сильно встревоженъ». Сію минуту получаю нумеръ одного изъ вашихъ вліятельнѣйшихъ повременныхъ изданій, и передовая статья въ немъ призываетъ вниманіе на опасное движеніе, «грозящее искрошиться и искромсать св. Писаніе и превратить вѣру церкви въ какое-то радужное видѣніе».

Я съ съ прискорбіемъ гляжу на эту успѣшную попытку совратить почтенное, древнее учрежденіе и разрушить святость историческихъ воспоминаній, связанныхъ съ твердой вѣрой въ слово Божіе, обзывая древною мудрость «фетишизмомъ» и «нетерпимымъ невѣже-

look very suspiciously and inimically on every new Chinese convert, as on a superfluous mouth at their common, not too lavish table—they literally keep us in a state of siege. It is clear that so abnormal a state of things cannot be tolerated much longer, and the best thing our missionaries could do to get out of this wretched condition would be to leave Peking, and take up their abode in some other part of China. This would enable them to rid themselves of their oppressive environments and devote some time exclusively to the study of the Chinese language, without a knowledge of which we are no better than dead men, unable to undertake anything whatever for the good of genuine missionary work. It would be quite sufficient to leave in Peking, for the services and ministrations, the one native priest, who has to be attached to the Mission according to the regulations, and one missionary, to look after the premises and to perform the services at the legation church. Our parish here is so small (458 souls of both sexes, some of whom are Christians only in name, but in reality live exactly as the heathens), that the one native priest would undoubtedly be better suited than we are to the needs of the parish, because he would know all about his flock, and his flock would understand him better. Our authority would not suffer in the least from such a step in the eyes of the Orthodox Chinese; they would, on the contrary, treat us with far greater sincerity and respect the moment they found out that we were independent of them, not asking anything of them, and not seeking our own advantage. And possibly, by leaving for a time our flock, our brethren, „which are our flesh, we may”, to use the Apostle Paul’s words, „provoke them to emulation, and save some of them (Rom. 11, 14). Anyhow, we must see that we get out of the narrow bounds of this parish, and take up the true missionary work—preaching Orthodox Christianity amidst the heathens of China. To do this, we must first of all master the language, then make it our object to train good preachers from among the Chinese themselves. Through all the years of its existence, our Peking school has not brought out a single good preacher. It is clear enough from this experience that we cannot count on it in this respect, and therefore it behoves us to open a new school, farther away from the deteriorating Peking environment, where children, almost from the dawn of consciousness, begin to look at things from the point of view of material profit, and are attracted to the school itself only inasmuch as it pays them for learning. It will be best to recruit pupils for the new school from the country. The rural Chinese hardly differ in anything from our own peasants; they have the same good qualities which everywhere distinguish the tiller of the soil, and their children afford the soundest, sanest material for Orthodox christianization; they are that much talked of wax, which can be kneaded into any shape. The best of the children might, later on, and with the parents’ consent, be kept permanently at the Mission; this is precisely what is done by the Buddhist.

ствомъ». Авторитетъ болѣе не существуетъ. Я уже не могу заявлять, что епископалы по прежнему твердо держатся Библии. Понятіе о ея непогрѣшимости—«фетишь». Я уже не могу, согласно съ новой теоріей, представить ни одного текста, отъ книги Бытія до Откровенія, на которую бы можно сослаться какъ на конечный авторитетъ; а если Писанное Слово лишается непогрѣшимости, то я вмѣстѣ съ тѣмъ лишаюсь непогрѣшимаго Слова, облекшагося плотію; потому что, если я не могу положить-ся на писанное преданіе, то какъ могу я принять устное преданіе, еошедшее до меня черезъ столько языковъ и народовъ, и столь долгій рядъ вѣковъ?

Вы уничтожаете всю цѣну церкви; ибо собраніе людей, которое не можетъ поручиться за письменный памятникъ, не можетъ ручаться ни за что, Это именно я и принужденъ съ прискорбіемъ сказать объ общинѣ, которой вы являетесь полнымъ представителемъ.—Это слѣпой, ведущій слѣпаго. Приводя слова каноника Гора (Gore), вы говорите, что церковь «не связана никакимъ существующаю опредѣленіемъ понятія о вдохновеніи, по той простой причинѣ, что мы не имѣемъ авторитетнаго опредѣленія, которое мы могли бы примѣнить къ этому понятію». Поэтому вы вполне логично замѣчаете и признаете, что «мнѣніе сегодня объявленное въ одной юрисдикціи неправильнымъ (гетеродоксальнымъ), можетъ завтра другимъ судомъ быть объявлено вполне правильнымъ (ортодоксальнымъ)», и что, подобныя рѣшенія въ епископальной церкви не рѣшаютъ ровно ничего.

Болѣе смертельнаго удара еще никто никогда не наносилъ протестантской епископальной системѣ. И вы писали это даже почти весело, въ сознаниі, что вы докнали защитниковъ Библии, и міръ признаетъ и цѣнитъ вашъ подвигъ. Грустно, что епископальная община стоитъ беззащитная среди нападений; но всего грустнѣе, что вы и вида не подаете, чтобы это положеніе было вамъ неприятно.

Что до меня касается, я не могу преклониться предъ руководствомъ «именитыхъ критиковъ», которыхъ вы выставляете учителями и примѣрами факультетамъ епископальныхъ семинарій, владыками во Израилѣ, которые нынѣ стоятъ рядомъ съ отъявленными невѣрующими, и тоже читаютъ лекціи «объ ошибкахъ Моисея». Совѣсть мнѣ этого не дозволяетъ. Я схожу съ поля, убѣжденный, что я болѣе не призванъ бороться противъ чрезвѣрной и быстро возрастающей силы. Я не могу ни признать революцію, ни плыть по теченію. Правда, ваша школа снисходительна, и вполне готова отнестись съ терпимостью и къ католической вѣрѣ, ограничивая строгость свою произнесеніемъ отъ времени до времени позорящихъ словъ. Но я для себя не ищу милостей. Я не хочу оставаться тамъ, гдѣ смнѣніе награждается премією, и вѣра въ непогрѣшимую Библию пользуется лишь такою терпимостью, какъ и способный заблуждать-

monasteries and the Missions of other Christian confessions, especially the Catholic Missions in China, where it is allowed by the laws. And out of such children, [entirely adopted by our Mission, a catechizers' school would grow quite naturally, where preachers and interpreters could be trained.

(From the „Church Gazette”, December 1899).

ся Коранъ.

Итакъ, какъ бы ни взглянули на мой поступокъ нѣкоторые достойные братья, твердо постоявшіе за Слово Божіе, я лично обязанъ руководствоваться свѣтомъ, даннымъ мнѣ свыше. Возможно, что меня ввели въ заблужденіе мои учителя и экзаменаторы; но только я вступилъ въ епископальное священство въ полномъ убѣжденіи, что, какой бы теоріи ни держались нѣкоторые лица относительно вдохновенія, само св. Писаніе вдохновенно и непогрѣσιμο. Этого взгляда держались все такъ называемыя ортодоксальныя общины. Но постепенно стали возникать новые взгляды, сначала шокировавшіе протестантское чувство, но потомъ разrostавшіеся, пока наконецъ не опредѣлилось нынѣшнее мнѣніе. Значитъ все измѣнилось. Епископальная община отреклась отъ прежнихъ своихъ вѣрованій и требованій, и мой съ нею договоръ потерялъ силу. Я свободенъ.

Я не утратилъ, однакоже, вѣры въ христіанство. Вѣра моя ярче и полнѣе чѣмъ когда либо. Я—оптимистъ бодръ духомъ и полонъ надеждъ; выступаю изъ рядовъ вашего священства съ любовью ко всемъ, и въ особенности къ почтеннымъ братьямъ, доселѣ еще пребывающимъ въ иллюзіяхъ, которыми и я когда-то прельщался.

Въ заключеніе, желая вамъ лично всякаго счастья и благополучія, прошу васъ дозволить мнѣ выразить надежду, что очи души вашей еще разверзутся и узрятъ въ его истинномъ видѣ дѣло заручившееся вліяніемъ и поддержкой епископальной общины, и что, благословеніемъ Божиимъ, осѣняющимъ труды искреннихъ и праведныхъ мужей, епископалы уразумеютъ наконецъ, дивныя блага католической вѣры, отражающейся въ словѣ Божіемъ.

Отдавая будущее мое въ руцѣ Божіи и храненію Его святыхъ Ангеловъ, остаюсь, съ полнымъ почтеніемъ,

Вашъ покорный слуга

В. Ф. Де-Коста.

ОЗВАНІЕ.

О пожертвованіяхъ на постройку русскаго православнаго храма въ Нью-Йоркѣ.

Откликнитесь, Русскіе люди, на нашу великую нужду! Изъ Нью-Йорка, Сѣверной Америки, обращаемся мы съ этимъ призывомъ къ вашему братскому сердцу. Утѣшите своею любовью заброшенныхъ въ этотъ дальній край вашихъ единовѣрцевъ!

Нью-Йоркъ—второй въ мірѣ по населенію городъ. Гордо красуются на его лучшихъ улицахъ богатые инославные храмы,—при нихъ школы, больницы, пріюты. Кажется, нѣтъ на земномъ шарѣ ни одной инославной секты, ни одного толка, которые не имѣли бы здѣсь своего представительства. И французъ, и нѣмецъ, и англичанинъ, и еврей, и китаецъ, человѣкъ каждой вѣры и націи, найдетъ въ Нью-Йоркѣ молитвенный домъ, родной ему не только по духу его исповѣданія, но и по языку. Громко раздается здѣсь проповѣдь инославія, привлекая къ себѣ разноплеменныхъ и разновѣрныхъ гостей этой столицы Новаго Свѣта. Но ни въ этой проповѣди, ни въ этихъ храмахъ и сектахъ не найдетъ себѣ пищи жаждущее истины, а тѣмъ болѣе знающее ее, православное сердце: православнаго храма и пастыря ищетъ оно...

Много славянъ всевозможныхъ нарѣчій—переселенцевъ изъ Стараго Края—отыскивали здѣсь себѣ дѣло, обѣлись, обратились въ семейства. Много среди нихъ православныхъ, единовѣрныхъ намъ, Сербовъ и Черногорцевъ. Много пришельцевъ изъ закордонной Австрійской Руси; послѣдніе—въ большинствѣ «уніаты». Здѣсь, въ странѣ свободы религіозной совѣсти, не чувствуя надъ собой ненавистнаго латинскаго ига, рады разстаться они съ противной имъ кличкой, рады вернуться къ своей родной православной церкви, сынами которой были ихъ дѣды и прадеды... Много переселенцевъ и изъ нашей Россіи, преимущественно изъ ея южныхъ и западныхъ губерній, проживаетъ въ Нью-Йоркѣ; некрасна та среда, въ которую, сразу же по прибытіи сюда, попадаютъ они: она полна искушеній религіозныхъ и соблазновъ моральныхъ; эта среда—не американцы; ихъ, не понимая языка новой страны, и не видятъ вовсе

русскій простой человѣкъ; русскіе и польскіе отщепенцы, всего больше евреи.—его опекуны и въ Нью-Йоркѣ; а отъ этой опеки надо бѣжать...

Гдѣ же пища духовная для всѣхъ этихъ пришельцевъ? Въ чемъ поддержка, пріютъ и призоръ для Нью-Йоркскихъ славянъ? Кто охранитъ въ душѣ нашихъ земляковъ невредимыми завѣты ихъ вѣры и родины? Кто воспитаетъ ихъ дальнѣйшія поколѣнія здѣсь въ православіи, въ любви къ родинѣ, языку и обычаямъ?.. Кто и что,—какъ не нашъ родной православный храмъ? Только въ немъ изольетъ православный человѣкъ свою душу, почерпнетъ уроки и благодатныя утѣшенія... Въ немъ одномъ постоянное и неразрушимо-крѣпкое звѣно его союза съ далекой, но всегда безконечно дорогой ему родиной!..

И какую же высочайшую радость испытали здѣшніе православные, когда, послѣ долгихъ лѣтъ сиротства и томленья въ этой чуждой средѣ, имъ, по милости Державнаго Покровителя православія на всемъ земномъ шарѣ, былъ данъ православный священникъ, и небольшая комнатка въ частномъ помѣщеніи была приспособлена къ молитвеннымъ цѣлямъ! Сколько утѣхи почерпнули они въ этой маленькой церкви; сколько покаянныхъ вздоховъ вознесено было здѣсь къ Богу о минувшихъ паденіяхъ, сколько возвратила она на истинный путь своихъ немощныхъ сыновъ, уже заблудшихъ было подъ окружающимъ гнетомъ! Сколько глубокаго интереса проявлено инославными иностранцами къ нашимъ святынямъ!.. Какъ осязательно свидѣтельствуется здѣсь въ постоянныхъ молитвахъ наша связь съ нашей родиной, съ нашимъ благодѣтелемъ—Государемъ!.. О, если бы вы пережили хотя мысленно ощущеніе оторваннаго отъ православнаго края,—иногда безъ надежды даже вернуться назадъ,—богомольнаго русскаго человѣка, молящагося въ своемъ родномъ храмѣ, еслибы видѣли вы его распростертаго предъ святыми иконами, и плачущаго—плачущаго безъ конца, и какими слезами!,—ваше сердце разомъ открылось бы на наши призывы... Не спѣшите тогда подавить въ себѣ ваше доброе чувство...

Тѣснота, скудость помѣщенія, губить насъ, тормозитъ и давитъ наше святое дѣло, которому, между тѣмъ, надлежитъ еще много расти... Уже въ рядовыя службы не вмѣщается наша церковь своихъ богомольцевъ, а что же въ дни Пасхи и Рождества Христова?.. Болѣзненно сжимается сердце, омрачается радость: за порогомъ церковнаго дома остаются нѣсколько сотъ человѣкъ,—изъ нихъ масса прибывшихъ сюда помолиться очень изда-

лека. Съ горькимъ чувствомъ тѣнятся они подлѣ церковнаго дома: только освѣщенные окна и слабо-слабо доносящіяся до нихъ изнутри праздничныя нагѣвы служатъ имъ въ эти минуты прѣвѣтомъ... А внутри церкви, отъ духоты свѣчи гаснуть и таютъ, богомольцы обмираютъ и стонуть... Надо же поддержать это рвеніе и усердіе, надо же предотвратить ту, отчасти и теперь уже имѣющуюся въ нашей приходской жизни бѣду, когда болѣе немощныя, боясь давки, перестанутъ пытаться даже проникнуть въ церковь, когда дѣтей станутъ оставлять дома, когда слабость побѣдитъ рвеніе... Какъ же расширять дѣло, какъ привлекать въ ограду овчую «ины овцы», яже не суть отъ двора сего», если и своимъ мѣста вѣтъ? Какъ повѣдать инославному посѣтителю о красотахъ нашей вѣры, нашего богослуженія, о набожности нашего русскаго православнаго человѣка, когда чувствуешь его мучительнѣйшій вопросъ: „Такъ ужели же стомилліонная православная Русь, столь богатая доброхотами, не въ силахъ воздвигнуть здѣсь свою православную церковь? Ужели же величайшее христіанское государство не найдетъ въ себѣ силы въ столицѣ Новаго Свѣта создать достойный своего величія и значенія храмъ во славу исповѣдуемой имъ единственно истинной православной религіи?..

Отвѣтите же, русскіе люди, на этотъ вопросъ! Не оскудѣла еще щедрая лепта православнаго дателя, столько величественныхъ храмовъ выстроившая по лицу земли Русской и далеко за предѣлами роднаго отечества! Растворите вашу душу участіемъ къ вашимъ далекимъ единовѣрцамъ. Приобщитесь къ святому дѣлу созиданія здѣсь въ инославной странѣ царства Божія. Кто—сколько и чѣмъ можетъ—помогите: богатые отъ избытка своего, бѣдные отъ скудости своей,—каждый по мѣрѣ достоянія своего. Добрымъ словомъ расположите къ тому же и вашихъ ближнихъ.

Начало дѣла уже благословилъ Господь. Мы имѣемъ уже участокъ земли подъ предполагаемый храмъ, и хотя только половина стоимости его уплачена, но и это много бодрости вселяетъ въ сердце наше.

Горячо молимся,—да не посрамитъ Господь упованія нашего!

Пожертвованія могутъ быть направляемы въ Хозяйственное Управление при Святѣйшемъ Синодѣ, для передачи въ Строительный Комитетъ, въ Нью-Йоркѣ.

Имѣющие возможность посылать переводомъ Credit Lyonnais могутъ адресовать непосредствен-

но: New York, Russian Consulate Generale, для передачи въ комитетъ по постройкѣ правосл. храма.

Предѣдатель Комитета по постройкѣ церкви въ Нью-Йоркѣ,
Священникъ А. ХОТОВИЦКІЙ.

ОФФИЦАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Г о с у д а р ь И м п е р а т о р ь, въ 27-й день Ноября минувшаго года, Высочайше соизволилъ изъяснить согласіе на изложенное въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода, отъ 6—16 Октября 1899 года, за № 4125, предположеніе относительно разрѣшенія Комитету по постройкѣ православнаго храма въ Нью-Йоркѣ производить повсемѣстный въ Имперіи сборъ добровольныхъ пожертвованій на эту постройку.

Релолуціей Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Тихона, Епископа Алеутскаго и Аляскайскаго, отъ 18 Января с. г. миссіонеръ іеромонахъ Севастіанъ назначенъ Членомъ Аляскайскаго Духовнаго Правленія; псаломщикъ Галвестонской миссіи Алекс. Кукулевскій переведенъ псаломщикомъ къ Бриджпортской Св.-Духовской церкви; Михаилъ Курдиновскій, бывшій учитель церковно-приходской школы Сухумской епархіи,—псаломщикомъ Галвестонской миссіи и Николай Степановъ, бывшій учитель церковно-приходской школы Полтавской епархіи,—псаломщикомъ Нью-Йоркской ц.

СОДЕРЖАНІЕ: № 3.—*Въ недѣлю Мытаря и Фарисея. — О преобразованіи календаря. — Путешествіе Преосвященнѣйшаго Тихона, Епископа Алеутскаго и Аляскайскаго. — Индіанское племя Глинхитъ, Архимандрита Анатолія. — Воззваніе. — Извѣстія и замѣтки. Оффиціальныи отдѣл.*

Редакторъ, Свящ. А. Хотовицкій.

Печатать разрѣшается.

Цензоръ, Архимандритъ Рафаилъ.